

Л. А. Шабашева

Минск, Беларусь

ВЕЩНАЯ ДЕТАЛЬ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ
В НАТУРАЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ Э. ЗОЛЯ «ДАМСКОЕ СЧАСТЬЕ»

Статья предлагает анализ текста романа Э. Золя «Дамское счастье» в аспекте использования автором вещной детали в ее текстообразующей функции как способа пространственных, социально-культурных, характерологических и портретных описаний.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *вещная деталь, текстообразующая функция, способ характеристики.*

L. A. Shabashova

Minsk, Belarus

A THING DETAIL AS A METHOD OF CHARACTERIZATION
IN E. ZOLA'S NATURALISTIC NOVEL «THE LADIES PARADISE»

The article offers an analysis of the text of E. Zola's novel "Ladies Paradise" in the aspect of the author's use of a thing detail as a way of text-forming function and spatial, social, cultural, characterological, portrait description.

К e y w o r d s : *thing detail, text-forming function, characterization method.*

Задумав показать французское общество в цикле *L'Histoire naturelle et sociale d'une famille sous le Second Empire*, Э. Золя видит перед собой романский цикл, охватывающий период от геспереворота 2 декабря 1851 и до

поражения Франции у Седана в 1870 году в канун Третьей Республики. В социальной жизни французов в этот момент, как известно, материальное подчиняет себе другие жизненные интересы. В этой связи, объясняя выбор целей цикла романов *Les Rougon-Macquart* и указывая на отличие своей истории от человеческой комедии О. де Бальзака, Э. Золя отмечает: «Mon œuvre sera moins sociale que scientifique. (...) Le cadre en sera plus restreint (...) Moi, des hommes et des femmes, je ne fais qu'un, en admettant cependant les différences de nature et je soumetts les hommes et les femmes aux choses» (выд. нами – Л.Ш.) [1]. Таким образом, материальность (*les choses*) становится важным аспектом романов цикла, и это особенно касается романа *Au Bonheur des Dames* ‘Дамское счастье’, в котором, рассказывая историю героини, связанную с большим универсальным магазином, автор показывает происходящие в жизни Франции трансформации, фрагменты ее жизни как парижский урбанизм, концентрация буржуазного населения, становление капиталистических отношений, в частности, новой системы торговли, универсальные магазины и т.д.

История борьбы капиталистических социально-экономических отношений с ослабевшим и устаревшим мелкособственническим укладом рассказывается им не только путем описания взаимоотношений персонажей, поступков, интриг, но и посредством иллюстративного использования материальных, вещных отношений.

Автор ограничивает пространственный аспект романа *Au Bonheur des Dames* не природными, а рукотворными объектами, т.е. «второй природой», характеризующей жизненное пространство современного человека.

Универсальный магазин метафорически представлен как маяк, дворец:

1) *...il flambait comme un phare, il semblait à lui seul la lumière et la vie de la cité* (с. 60)¹. ‘оно горело, как маяк, оно казалось ей единственным светочем и средоточием жизни’².

2) *Comme la rue du Dix-Décembre devait couper la rue de Choiseul et la rue de la Michodière, il voyait le Bonheur des dames envahir tout le pâté entouré par ces rues et la rue Neuve-Saint-Augustin, il l’imaginait déjà avec une façade de palais sur la voie nouvelle, dominateur, maître de la ville conquise* (с. 149). ‘Улица Десятого декабря должна была пересечь улицы Шуазель и Мишодьер, и он уже видел, как "Дамское счастье" захватывает весь квартал между этими улицами и улицей Нев-Сент-Огюстен, и уже представлял себе, как на новой улице будет выситься фасад его дворца, властелина покоренного города’.

¹ Здесь и далее примеры приводятся по тексту É. Zola *Les Rougon-Macquart. Au Bonheur des dames*, взятому из электронного ресурса (La Bibliothèque électronique du Québec) URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/zola-11.pdf>.

² Перевод примеров дается по изданию Э. Золя «Дамское счастье» в переводе Ю. Данилина (Киев, “Молодь”, 1993), URL: <https://ru.b-ok.global/book/414025/e8aac7> (Дата обращения 3.10.2021).

3) *Son ambition devenait plus haute, il proposait au baron une association, dans laquelle le Crédit Immobilier apporterait le palais colossal qu'il voyait en rêve, (...) (с. 152).* 'Его честолюбие шло дальше: он предлагал барону вступить в компанию, причем "Ипотечный кредит" в качестве пая должен был внести колоссальный дворец, который Муре уже видел в мечтах'.

Исполинское здание этого колосса, напоминающее дворцы Всемирных выставок в Лондоне и Париже, поглотило в конце концов не только соседствующие мелкие лавочки, но и сам Париж, ставший маленьким, был съеден этим монстром:

4) *Au-delà, Paris s'étendait, mais un Paris rapetissé, mangé par le monstre. (...) les maisons, d'une humilité de chaumières dans le voisinage, s'éparpillaient ensuite en une poussière de cheminées indistinctes; les monuments semblaient fondre, à gauche deux traits pour Notre-Dame, à droite un accent circonflexe pour les Invalides, au fond le Panthéon, honteux et perdu, moins gros qu'une lentille (с. 817).* 'Вдали простирался Париж, но Париж уменьшенный, как бы обглоданный этим чудовищем: дома, стоявшие рядом с ним, смотрели жалкими хижинами, а дальше лишь невнятно намечался лес дымовых труб; даже памятники архитектуры и те почти совсем растаяли, – налево двумя штрихами был намечен собор Парижской богородицы, справа небольшая дуга обозначала Дом инвалидов, а на заднем плане приютился сконфуженный, никому не нужный Пантеон величиною с горошину'.

Этот монстр, *pareil à l'ogre des contes* 'подобно сказочному людоеду', предназначен для создания соблазнительного, чудесного сказочного пространства (*le temple élevé à la folie dépensière de la mode* (с. 815) 'дворец являлся как бы храмом, посвященным расточительному безумию моды').

Его главный вход и фасад сравниваются с триумфальной аркой, украшенной бесчисленным количеством искусных деталей в их блеске и великолепии:

5) *Et les curieux s'émerveillaient surtout devant la porte centrale, d'une hauteur d'arc de triomphe, décorée elle aussi d'une profusion de mosaïques, de faïences, de terres cuites, surmontée d'un groupe allégorique dont l'or neuf rayonnait, la Femme habillée et baisée par une volée rieuse de petits Amours (с. 815).* 'Особенно изумлял публику главный вход, высокий, как триумфальная арка; он также был обильно украшен мозаикой, майоликой и терракотой, а над ним возвышалась аллегорическая группа, сиявшая свежестью позолоты и изображавшая женщину в окружении целого роя смеющихся амуров, которые ее одевали и нежно ласкались к ней'.

Таким образом, место действия предельно сжимается и локализационно замыкается между двумя соседствующими улицами, а протяженность событий ограничивается противопоставлением рукотворных объектов *palais* 'дворец', *temple/maisons* 'храм/дома' и *chaumières* 'хижины', *cheminées* 'дымовые трубы' и *monuments* 'памятников', *Notre-Dame* 'Собора Парижской богородицы', *Invalides* 'Дома Инвалидов', *Panthéon* 'Пантеона', которые магазин также прячет в своей тени:

6) *... les vitrines s'enfonçaient, longeaient la rue de la Michodière et la rue Neuve-Saint-Augustin, où elles occupaient, outre la maison d'angle, quatre autres maisons, deux à gauche, deux à droite, achetées et aménagées récemment. C'était un développement qui lui semblait sans fin* (с. 7). '...расходились витрины: одни тянулись по улице Мишодьер; другие – по Нев-Сент-Огюстен, занимая, помимо углового дома, еще четыре, недавно купленных и приспособленных для торговли, – два слева и два справа. Эти уходящие вдаль витрины казались Денизе бесконечными'.

«Картина мира» в романе предстает как отражение ключевой мировоззренческой категории движения от старого, превращающегося в ненужное, к новому, которое, поглощая старое, уже занимает собой все пространство. Вещная¹ деталь при этом способствует формированию смысловой целостности романа, его «когезии», и отыгрывает текстообразующую функцию.

Образ магазина, как и его название *Дамское счастье*, давшее название произведению, моделирует его художественное пространство, являясь основным символом произведения – символом притягательности новых финансовых и коммерческих приемов, связанных с промышленным производством товаров и вытесняющих мелкую торговлю.

Мысль о соблазнительности коммерческих нововведений в тот период времени акцентируется описанием восприятия магазина удивленными глазами главных персонажей, Денизы Бодю и ее сына, провинциалов, оказавшихся в Париже:

7) – *Oh! dit-elle, regarde un peu, Jean ! Et ils restèrent plantés, serrés les uns contre les autres* (с. 5). '– Жан, – промолвила она, – погляди-ка! И они замерли, прижавшись друг к другу'.

8) – *Ah bien ! reprit-elle après un silence, en voilà un magasin ! C'était, à l'encoignure de la rue de la Michodière et de la rue Neuve-Saint-Augustin, un magasin de nouveautés dont les étalages éclataient en notes vives, dans la douce et pâle journée d'octobre* (с. 6). '– Да, – сказала она, помолчав, – вот это магазин! То был магазин новинок на углу улиц Мишодьер и Нев-Сент-Огюстен. В этот мягкий и тусклый октябрьский день его витрины сверкали яркими тонами'.

9) – *Fichtre ! dit Jean. Ça enfonce Valognes... Le tien n'était pas si beau* (с. 6). 'Да, что и говорить, – заметил Жан. – Это почище Валони. Твой был не такой красивый!'

10) *Mais Denise demeurait absorbée, devant l'étalage de la porte centrale* (с. 8). 'Но Дениза вся ушла в созерцание выставки товаров, расположившейся у центрального входа'.

Клиентки теряют в магазине голову:

11) *Madame Guibal, Henriette, Blanche, mesuraient, coupaient, gâchaient. C'était un saccage d'étoffes, la mise au pillage des magasins, un appétit de luxe qui se répandait en toilettes jalousees et rêvées, un bonheur tel à être dans le*

¹ Вещь (философск.) – в общем и широком смысле под этим словом разумеется все, что имеет действительное и самостоятельное (физически или метафизически) существование [3].

chiffon, qu'elles y vivaient enfoncées, ainsi que dans l'air tiède nécessaire à leur existence. (с. 161) 'Г-жа Гибаль, Анриетта, Бланш отмеривали, отрезали, кроили полным ходом. Это был какой-то погром материй, настоящее разграбление магазинов; жажда нарядов превращалась в зависть, в мечту; находиться среди тряпок, зарываться в них с головою было для этих дам та же насущно необходимо, как воздух необходим для существования'.

Таким образом, благодаря вещной детали писателю удается показать суть общества соответствующего времени. Общество, особенно женское, выбирает новое, улучшающее его благосостояние. Именно вещи приобретают значимость, подчиняя себе умы. Описание вещной детали и отношения к ней выполняет социальную – характеризующую функцию.

Мысль о победе универсального магазина (нового) над мелкими коммерсантами (старым) подчеркивается контрастивными описаниями вещного ряда: нарядные куклы-манекены в сверкающих витринах в сравнении с выцветшей вывеской на лавчонке Бодю и ее убожеством:

12) *Alors, juste devant eux (...), ils aperçurent une enseigne verte, dont les lettres jaunes déteignaient sous la pluie: Au Vieil Elbeuf, draps et flanelles, Baudu, successeur Hauchecorne. (...) La maison, enduite d'un ancien badigeon rouillé, toute plate au milieu des grands hôtels Louis XIV qui l'avoisinaient, n'avait que trois fenêtres de façade ; et ces fenêtres, carrées, sans persiennes, étaient simplement garnies (...). Mais, dans cette nudité, ce qui frappa surtout Denise, dont les yeux restaient pleins des clairs étalages du Bonheur des Dames... ce fut la boutique du rez-de-chaussée, écrasée de plafond, surmontée d'un entresol très bas, aux baies de prison, en demi-lune* (с. 14–15). 'И прямо перед собой (...), они увидели зеленую вывеску полинявшей желтой надписью: "Старый Эльбеф, сукна и фланели. – Бодю, преемник Ошкорна". Дом, в незапамятные времена выкрашенный рыжеватой краской и зажатый между двух больших особняков в стиле Людовика XIV, имел по фасаду всего лишь три окна; окна эти, квадратные, без ставней, были снабжены только железной рамой с двумя перекладинами крест-накрест. (...) ее особенно поразило убожество лавки, приютившейся в первом этаже; низкий потолок словно придавил ее, сверху нависал второй этаж, а узкие окна в виде полумесяца были как в тюрьме'.

Нескончаемые перечисления товаров также подчеркивают мысль о вещизме, жажде к приобретению и накоплению в тогдашнем мире:

13) *D'abord, ils furent séduits par un arrangement compliqué: en haut, des parapluies (...); dessous, des bas de soie (...); enfin, (...) des gants (...). Mais la dernière vitrine surtout les retint. Une exposition de soies, de satins et de velours* (с. 9) 'Сначала их поразило замысловатое устройство выставок: вверху (...) были расположены зонтики (...); внизу висели шелковые чулки, (...). Наконец, (...) перчатки (...). Но особенно ошеломила их последняя витрина. Шелк, атлас и бархат были представлены здесь во всем разнообразии'.

Соблазнительные характеристики товаров еще более подчеркивают эту мысль:

14) ... *au sommet, les velours, d'un noir profond, d'un blanc de lait caillé ; plus bas, les satins, les roses, les bleus, aux cassures vives, (...); plus bas encore, les soies, toute l'écharpe de l'arc-en-ciel, des pièces retroussées en coques, plissées comme autour d'une taille (...); et, entre chaque motif, entre chaque phrase colorée de l'étalage, courait un accompagnement discret, un léger cordon bouillonné de foulard crème* (с. 10) . '...наверху – бархат густого черного цвета и бархат молочной белизны; ниже – атласные ткани, розовые, голубые, в причудливых складках, постепенно переходящие в бледные, бесконечно нежные тона; (...) еще ниже, переливались шелка всех цветов радуги, отрезы, свернутые в виде кокард и расположенные красивыми складками, точно на вздымающейся груди. Каждый мотив, каждая красочная фраза витрины была отделена от другой как бы приглушенным аккомпанементом – легкой волнистой лентой кремовых фуляров’.

Удивительного художественного эффекта писатель добивается, проводя мысль об унынии, горечи, обреченности и разорении семьи Бодю, наблюдающей за строительством магазина, изменением объекта. Этот процесс не дает им покоя ни днем, ни ночью и метафорически воспринимается как собственное разорение и приближение конца:

15) *Alors, les Baudu, exaspérés, durent même renoncer à fermer les yeux ; ils étaient secoués dans leur alcôve, les bruits se changeaient en cauchemars, dès que la fatigue les engourdissait. Puis, s'ils se levaient pieds nus, pour calmer leur fièvre, et s'ils venaient soulever un rideau, ils restaient effrayés devant la vision du Bonheur des Dames flambant au fond des ténèbres, comme une forge colossale, où se forgeait leur ruine* (с. 458). ‘Теперь Бодю были в полном отчаянии: их лишили даже возможности сомкнуть глаза; по ночам они вздрагивали в своем алькове, а когда усталость брала верх и они начинали засыпать, доносившийся с улицы грохот превращался в кошмар. И они босиком вставали с кровати, не находя себе покоя; но если им случалось поднять занавеску, они замирали, охваченные ужасом при виде «Дамского счастья», которое пылало во мраке, как гигантская кузница, где выковывалось их разорение’.

Таким образом, описания вещественного мира содержат эмоциональную оценку и свидетельствуют об авторской позиции. Магазин-демон, виновник гибели первой жены Октава Муре г-жи Эдуэн, транслирует негативное отношение к процессу развития капиталистических товарно-денежных отношений. Писатель вкладывает свою мысль в уста лавочника Бодю, утверждающего, что богатство капиталиста Муре построено на крови:

16) *Et c'est lui qui l'a tuée. Oui, dans ses constructions ! Un matin, en visitant les travaux, elle est tombée dans un trou. Trois jours après, elle mourait. Elle qui n'avait jamais été malade, qui était si bien portante, si belle !... Il y a de son sang sous les pierres de la maison* (с. 46). ‘И это он убил ее. Да, на своих постройках! Однажды утром она пришла посмотреть на работы и упала в яму. Три дня спустя она умерла. А ведь у нее было превосходное здоровье, и она была так хороша собой!.. Этот дом на ее крови построен!’.

Приведенный пример создает еще один символ – дамский магазин, созданный для удовольствия и удовлетворения прихотей, губит женщину. Этот *monstre* требует крови и жертв, разрушая старый квартал, отрицая традиционную, из которой сам же и вышел, торговлю, он получает власть над Парижем. При этом он оставляет за своим фасадом грязь узких улочек, что, как автор и констатирует в финале романа, является иррациональным и подлым. Внушить такую мысль как раз и позволяет контраст в описаниях: магазин душит то, где был рожден; у шумливого фасада выскочки грязные задворки:

17) *On eût dit que le colosse, après ses agrandissements successifs, pris de honte et de répugnance pour le quartier noir, où il était né modestement, et qu'il avait plus tard égorgé, venait de lui tourner le dos, laissant la boue des rues étroites sur ses derrières, présentant sa face de parvenu à la voie tapageuse et ensoleillée du nouveau Paris* (с. 816). ‘Казалось, исполин, постепенно разрастаясь, стал стыдиться и гнушаться темного квартала, в котором он когда-то неприметно родился и который потом задушил; теперь он повернулся спиной к этому кварталу с его сетью грязных узких улиц и выставил свое самодовольное лицо напоказ шумной, залитой солнцем улице нового Парижа’.

Рукотворная вещная деталь выполняет также в романе и характерологическую функцию: Дениза, впервые оказавшаяся перед фасадом магазина, быстро схватывает особенность момента, понимая, что не стоит упрямо держаться за принципы старого дяди, его время вышло. Нужно искать свое место именно в чреве этого великана, так как за ним будущее и расцвет. Она понимает, что именно *Au Bonheur des Dames* станет успешно развиваться, и делает все возможное, чтобы устроиться туда на работу:

18) *Mais, de l'autre côté de la rue, ce qui la passionnait, c'était le Bonheur des dames, dont elle apercevait les vitrines (...)*. (с. 33) ‘Но “Дамское счастье”, витрины которого на другой стороне улицы виднелись в открытую дверь, приводило Денизу в восторг’.

19) *Denise, depuis le matin, subissait la tentation. Ce magasin, si vaste pour elle, où elle voyait entrer en une heure plus de monde qu'il n'en venait chez Cornaille en six mois, l'étourdissait et l'attirait ; et il y avait, dans son désir d'y pénétrer, une peur vague qui achevait de la séduire. (...) En même temps, la boutique de son oncle lui causait un sentiment de malaise. C'était un dédain irraisonné, une répugnance instinctive pour ce trou glacial de l'ancien commerce*. (с. 34) ‘Денизу с самого утра снедало искушение. Этот магазин, казавшийся таким огромным, ошеломлял и привлекал ее; она заметила, что за один только час туда вошло больше народа, чем побывало у Корная за полгода. К ее желанию проникнуть туда примешивался смутный страх, который еще усиливал соблазн (...). В то же время дядина лавка вызывала в ней какое-то неприятное чувство. Это было необъяснимое презрение, инстинктивное отвращение, вызванное этой норой, где торговали по старинке’.

Подчеркивается также характерологическая готовность мелких коммерсантов к борьбе за выживание, напр., непримиримость Бурра:

20) – *Qu'il achète la maison, il la payera quatre fois sa valeur !... Mais je vous jure que, moi vivant, il n'en aura pas une pierre. Mon bail est encore de douze ans... Nous verrons, nous verrons ! C'était une déclaration de guerre. Bourras se tournait vers le Bonheur des dames, que ni l'un ni l'autre n'avait nommé.* (с. 43) ‘– Пускай покупает дом, ему придется заплатить втридорога!.. Но клянусь, пока я жив, он не попользуется тут ни одним камнем. Срок аренды кончается у меня только через двенадцать лет... Посмотрим, еще посмотрим! Это было объявление войны. Бурра бросал вызов “Дамскому счастью”, хотя ни Бодю, ни он сам не называли своего врага’.

Мелкие лавочники презирают магазин:

21) *Avait-on jamais vu cela ? un magasin de nouveautés où l'on vendait de tout ! un bazar alors ! Aussi le personnel était gentil : un tas de godelureaux qui manœuvraient comme dans une gare, qui traitaient les marchandises et les clientes comme des paquets, lâchant le patron ou lâché par lui pour un mot, sans affection, sans mœurs, sans art !* (с. 48) ‘Виданное ли дело? Магазин новинок, где торгуют решительно всем! Что это, ярмарка, что ли? А приказчики там тоже хороши; это какая-то орава шалопаев: суетятся точно на вокзале, обращаются с товарами и покупательницами, как с тюками, уходят от хозяина или сами получают расчет из-за какого-нибудь невпопад сказанного слова. Ни привязанности, ни правил, ни знания дела!’.

22) – *Voyez comme le Bonheur s'est conduit à votre égard ! répétait-il. Aucun compte des services rendus, des machines à exploiter le monde !...* (с. 38) ‘– Посмотрите, как “Счастье” ведет себя в отношении вас! – твердил он. – Там не считаются с тем, какие услуги оказал человек магазину, там только эксплуатируют людей!..’.

Характерологическая черта предприимчивости Октава Муре, который, женившись на владелице магазина тканей и новинок и воспользовавшись ее деньгами, выстраивает из заурядной мелкой лавки грандиозный флагман торговли, признается и соперниками, и автором:

23) – *Un homme à idées, un brouillon dangereux qui bouleversera le quartier, si on le laisse faire ! continua Baudu. Je crois que Caroline, un peu romanesque elle aussi, a dû être prise par les projets extravagants du monsieur... Bref, il l'a décidée à acheter la maison de gauche, puis la maison de droite ; et lui-même, quand il a été seul, en a acheté deux autres ; de sorte que le magasin a grandi, toujours grandi, au point qu'il menace de nous manger tous, maintenant!* (с. 47) ‘– Это опасный выдумщик, смутьян; дать ему волю, так он взбудоражит весь квартал! – не унимался Бодю. – Я уверен, что Каролина, которая тоже была малость взбалмошна, увлеклась сумасбродными планами этого проходимца... Как бы то ни было, он убедил ее купить дом слева, потом дом справа; а сам, уже после ее смерти, купил еще два других; так магазин все разрастался и разрастался и теперь грозит всех нас Поглотить!’.

Благодаря коммерческому таланту Муре успешно соблазняет, «сворачивает» благонамеренных дам, доходящих до экстаза и невменяемости при виде избытка товаров. Для них он волшебник, и как настоящий волшебник он

манипулирует своими клиентками. Прием персонификации товаров является знаком ловушки, полной наслаждений и опасностей, символом пагубности рая, вертепа, дьявольского и колдовского искушения, которому женщины не в состоянии сопротивляться:

24) *...des femmes arrêtées s'écrasaient devant les glaces, toute une foule brutale de convoitise. Et les étoffes vivaient, dans cette passion du trottoir : les dentelles avaient un frisson, retombaient et cachaient les profondeurs du magasin, d'un air troublant de mystère ; les pièces de drap elles-mêmes, épaisses et carrées, respiraient, soufflaient une haleine tentatrice; tandis que les paletots se cambraient davantage sur les mannequins qui prenaient une âme, et que le grand manteau de velours se gonflait, souple et tiède, comme sur des épaules de chair, avec les battements de la gorge et le frémissement des reins* (с. 33).

‘...женщины останавливались, толпились перед окнами, возбужденные от желаний. И ткани оживали под действием страстей, кипевших на улице; кружева чуть колыхались, таинственно скрывая за своими ниспадающими складками недра магазина; даже толстые четырехугольные штуки сукна дышали соблазном; пальто на оживших манекенах принимали все более округлые формы, а роскошное бархатное манто, гибкое и теплое, вздувалось, точно покоясь на женских плечах, облекая волнующуюся грудь, трепещущие бедра’.

Вещная деталь участвует в портретных описаниях, например, вспышка гнева старого Бодю при виде нового магазина:

25) *Entrez, ça vaudra mieux que de baguenauder devant des bêtises. Et, après avoir adressé aux étalages d'en face une dernière moue de colère, il livra passage.* (с. 19) ‘Входите, нечего ротозейничать на глупости. И, еще раз бросив злобный взгляд на витрины напротив, он провел детей в лавку’.

26) *Sa face bilieuse s'était éclairée, il n'avait plus les yeux saignants dont il regardait le Bonheur des dames* (с. 18). ‘Его желчное лицо просветлело, глаза уже не были налиты кровью, как в ту минуту, когда он смотрел на “Дамское счастье”’.

Также и мадам Бодю

27) *qui (...) était debout, toute blanche, ses yeux blancs fixés sur le monstre; et, résignée, elle ne pouvait le voir, le rencontrer ainsi de l'autre côté de la rue, sans qu'un désespoir muet gonflât ses paupières* (с. 35). ‘Г-жа Бодю (...) стояла теперь вся белая, устремив бесцветные глаза на чудовище. Хоть она и покорилась судьбе, все же зрелище огромного магазина на другой стороне улицы повергало ее в немое отчаяние, и слезы накопили у нее на глазах’.

Натуралистическая проза романа «*Au Bonheur des Dames*» иллюстрирует потенциальную силу вещной детали. В тексте романа вещь становится не просто частью пространственно-временного континуума, но маркером экзистенциального, мировоззренческого, социально-культурного момента. Это, скорее, а к с е с с у а р времени. Пространство действия, имея реальный аналог, соответствует натуралистической идее и позволяет при этом сделать

заклучения о национально-исторической конкретности борьбы старого и нового, основываясь на оппозиции *лавка – магазин*, которые и являются ареной конфликта.

Узкое пространство квартала, в котором располагаются универсальный магазин и лавки коммерсантов, становится экзистенциальным символом эпохи – т.е. борьбы между новым капиталистическим и старым мелкобуржуазным укладами. Эта метафора – художественный образ взаимосвязанного и взаимозависимого пространства – способствует раскрытию идейного содержания романа, т.е. представлений общества и характеров отдельных личностей.

С другой стороны, вещь в романе позволяет содержательно обозначить этический и нравственный жизненные аспекты, зафиксировать динамику чувств и настроений (уныние, горечь, обреченность, презрение, переживание, готовность к борьбе и т. д.) характеров и действий персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Différences entre Balzac et moi [Electronic resource] // Documents préparatoires des Rougon-Macquart. URL: <https://www.rougon-macquart.fr/dictionnaire-des-idees-litteraires/differences-entre-balzac-et-moi/> (accessed: 01.10.2021).
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник, практикум. М. : Флинта : Наука, 2005. 496 с.
3. Вещь в философии [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 82. СПб., 1890–1907. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ЭСБЕ/Вещь_в_философии (дата обращения: 02.10.2021).
4. Есин А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение : учеб. пособие. М., 2004. С. 182–197.

Людмила Аркадьевна Шабашева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический университет

Liudmila A. Shabashova
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
from.luda@gmail.com